

18+

Алексей Ратушный

О школах

Терри Торри

Алексей Ратушный

О школах. Терри Торри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48942038

ISBN 9785005098986

Аннотация

Внешне не эффективная, но чудовищно эффективная управленческая технология структурирования общеобразовательного процесса на жёсткий, полужёсткий и гибкий модули представлена в этой книге самим разработчиком. Именно эту технологию в своё время поддержал клуб «Эврика».

Содержание

О школах	6
КАК ЖИВЁШЬ, МОЯ ЛЕГЕНДА?	7
ПЕРВОМУ СЕНТЯБРЯ	9
БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ ШКОЛЬНИКА	13
Предисловие автора	13
Общий бюджет времени школы	19
Академик Любищев и его открытия	21
Урок и школьная перемена	22
Без учебников в портфеле? да!	23
Никакой необходимости тащить тяжелый груз в портфеле нет!!!	25
Весь маразм СОШ	26
Весь маразм СОШ. А вы, друзья, как ни садитесь	26
ВЕСЬ МАРАЗМ СОШ. ВМФ И ШКОЛА	29
Весь маразм СОШ. Главные пороки	35
Весь маразм СОШ. Изменения в расписании	40
Весь маразм СОШ. Классное руководство	47
Весь маразм СОШ. Некоторые подсчеты	51
НЕКОТОРЫЕ ПОДСЧЕТЫ	51
Весь маразм СОШ. Предусмотреть замену!	56
Весь маразм СОШ. Преемственность	61
Весь маразм СОШ. Присмотримся к завучу	65

Весь маразм СОШ. Школьные столовые
Конец ознакомительного фрагмента.

72

76

О школах Терри Торри

Алексей Ратушный

© Алексей Ратушный, 2019

ISBN 978-5-0050-9898-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О школах

КАК ЖИВЁШЬ, МОЯ ЛЕГЕНДА?

Качканару, второй школе
и всем кто помнит
Ивана Васильевича Звягина

Эту школу задумал в Качканаре мой великий Учитель – Иван Васильевич Звягин. Он специально ездил в Калининград – город будущего – знакомился с проектом. Участвовал посильно в подготовке проекта к реализации в Качканаре.

Я был противником этой новостройки.

На почве идеологических разногласий по поводу этого строительства мы собственно и расстались.

Это был уникальный случай: два педагога одного крошечного провинциального городка на страницах Всесоюзной газеты вели спор о достоинствах и недостатках этого проекта.

Я написал статью «Легенда о восьмой школе», но Матвееву – редактору «Учительской газеты» это наименование материала не глянулось и он решительно дополнил его ещё одним словом – «новостройке».

Смысл моего материала был в том, что не школьные коробки определяют итог воспитания и обучения в школе, что появится еще одна – пусть и самая лучшая – но забитая обычными проблемами школьная коробка, а качественного прогресса не будет.

Иван Васильевич, уже предвкушавший директорство в этой школе объяснял мне, как он пробил помещение под шахматный клуб в этом здании, как здорово будет нам с Геннадием Некрасовым работать в этом клубе...

Минуло четверть века и здание-долгострой наконец было сдано в эксплуатацию. В него целиком перебралась старая добрая вторая школа. Нет уже с нами Ивана Васильевича, нет многих, а иные – как я – далече...

Но мне очень хочется узнать, что из предсказанного мною случилось, что нет...

Конечно прекрасно, что в моём любимом Качканаре появилось такое здание!

Понятно, что по прежнему не дома, а люди решают все проблемы образования, но мне почему-то грустно, что я не могу войти в эту школу, пройти в устроенный в ней шахматный клуб и сказать очередной стайке девчонок:

– Ну что, красавицы? Пешка, конь, слон, рокировка?

ПЕРВОМУ СЕНТЯБРЯ

Случилось так, что я прирождённый учитель.

Педагог.

Преподаватель.

С полувековым стажем.

Случилось так, что этот талант был не по вкусу статусным педагогам.

Штатные меня на дух не переносили.

Не любили.

Не желали работать рядом.

И не только работать.

Основная причина?

А дети меня любили и любят.

Бесконечно.

Педагогам штатным объяснить себе это не удаётся.

Нет, по их глубоко профессиональному мнению, причин у детей меня любить.

Нет!

И быть не может!

По их правильному штатному мнению мне не место около детей.

От деток меня нужно держать как можно дальше.

Ибо я их недостоин.

Не вышел ростом.

Не так одет и обут.

Честно говоря, меня лично мнение штатных пюдагогов и пидагогинь не волнует.

С девяти лет.

С тех самых пор как я первый раз ушёл из школы.

Мне глубоко безразлично их штатное мнение.

Потому что оно именно мнение.

Они мнят.

А я не при делах.

Не в теме.

Еще древние греки – наидревнейшие!!! – знали, что в мире мнений нет места истине!

Представьте себе что вам сообщат, что содовщики считают вас очень скверным содовщиком или очень скверной содовщицей.

Полагаю, что вам сие мнение будет глубоко до... если только вы не трудитесь именно содовщиком или содовщицей.

Вот и мне их мнания и сумнания по барабану.

Мне их и в школьные годы не очень хотелось слушать, а уж в позашкольные – тем более.

Мало ли чего они там мнут.

Помнят и перестанут.

Не до меня им.

И не до таких как я.

А талант – штука от Бога, а не от руководителя школы.

Директор школы может называть учителями и педагогами кого угодно!

Любого выпускника педагогического вуза.

Кто не ошибается?

Пусть хоть министрами образования себя называют.

Мне от бюджета ничегошеньки уже не надо.

Я отдал реальной педагогике всю свою жизнь.

Без остатка.

И Учеников мне Господь Бог послал замечательных.

Великих Учеников.

Потрясающих!

И они – настоящие, а не штатные ученики – меня так и называют Учителем.

Без кавычек.

Их у меня немного за жизнь набралось.

Но зато все как на подбор!

Личности!

Самобытные.

Своеобразные.

Неповторимые.

Но с Днём Учителя и с Первым сентября меня никто никогда толком не поздравлял.

Будем считать так: я этих великих праздников не достоин.

Пусть так оно и будет.

А самый большой у меня праздник, когда я узнаю, что мой ученик достиг успеха.

Такие праздники у меня случались.

И вот этих я видимо был таки достоин.

И потому мне за себя не стыдно.

Я им реально отдал **всё**, что имел и даже больше.

А на всё остальное – Божья Воля.

Так что пойду, покаюсь и помолюсь.

Перед сном.

БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ ШКОЛЬНИКА

Предисловие автора

Нам надлежит разобраться с одним весьма важным элементом любой образовательной структуры, любой образовательной организации, любого образовательного учреждения.

Нам необходимо пристально всмотреться в то, как, куда и на что тратит свое время школьник.

На уровне обыденного сознания наш ребенок «ходит в школу».

Красиво сказано!

Мне довелось этот момент (ничего себе – «моментик»!) прочувствовать на своей шкуре.

Дело в том, что мои бабушка, тётя и мама вообразили, что я достоин обучения в специальной «английской» школе и перевели меня «по случаю» в школу, располагавшуюся весьма не близко от дома.

Если бы сегодня вам предложили отправлять второклассника пешком через семнадцать гигантских кварталов в школу, вы бы рискнули?

Меня много лет не покидала боком прибившаяся в моё

подсознание мысль, что в силу моей крайней болезненности и явных вывихов сознания мои дорогие родственнички втайне надеялись, что передвигаясь по криминальному городу я рано или поздно просто сгину и с глаз и вообще...

Но это так, к слову. За давностью лет не имеет значения.

Случилось теоретически невероятное.

Я выжил.

Мало того, что меня направили по предельно опасному маршруту.

В центре Свердловска тех лет были своеобразные «узловые пункты» криминала.

Это в городе в целом районы ВИЗа и Уралмаша, а вот в центре районы улицы Горького и двор Ленина, 5. Мне повезло жить бок о бок с улицей Горького, и учиться на окраине двора Ленина 5.

И там и там своих били, чтобы чужие боялись. И там и там хватало рисков на улице и без трансгородских перемещений. Но мне выпало счастье ежедневно восемь учебных лет перемещаться и по этим пунктам и пересекать город между ними. Уже в конце обучения я, между прочим, осилил подсчёт числа шагов на некоторых участках трассы. Например от моего дома до угла улиц 8 марта и Радищева было семьсот шагов. Семьсот шагов восьмиклассника, бегавшего, практически, быстрее всех в городе. В пробеге на 8 километров второго мая 1968 года я лидировал почти всю дистанцию и только в самом финишном створе меня опередили два взрос-

лых соперника – юниоры бежали со взрослыми. Через год я стал чемпионом Краснодара среди юношей в беге на 3000 м и на 5000 м. Конечно это не бог весть, какие достижения, но шаги у меня были не хилые. Но этими семьюстами шагами (650 метров!) трасса только начиналась. Теперь следовало подняться на гору до улицы Московской (ровно 1000 метров!) и по ней спуститься до Дворца Молодежи и студентов (ещё 450 метров!).

450 м 1000 м 200м 150м и 300 м всего 2100 м (измерено по Яндекс. Картам)

2100 метров туда и 2100 метров обратно. 4200 метров по весьма темным местам. Это сегодня по Радищева и Московской вдоль всей этой трассы ходит трамвай. Во времена моей учебы там было тихо и спокойно. То есть группа подростков могла спокойно вас окружить и избить, ограбив при этом практически безнаказанно. Вот благодаря этим ежедневным тренировкам я и стал самым быстрым бегуном в городе. Во втором классе я обгонял практически любого восьмиклассника. Легко. А ещё мастерски попадал обломками кирпичей в лица нападавших. Техника была проста и на диво эффективна. Группа гналась за мной и нападавшие понемногу «растягивались». В какой-то момент я начал, как раненная утка припадать на одну ногу, спотыкаться, и лидер догонявших стремительно приближался к «жертве» незаметно подбиравшей кирпичи. И вот здесь я встречал его лицом к лицу летящим в морду лица обломком.

После чего легко набирал ход и уходил от погони. Где-то, с шестого класса начиная, местные грабители ко мне предпочитали не приближаться. Все знали что я «ненормальный» и кличка у меня была «пробей голова».

Но к числам! Два километра – это сорок минут хорошего хода для второклассника, если в пути нет помех. Какие «помехи» встречались регулярно, вы уже поняли. Они же довольно сильно меняли, порою, маршруты и трасса автоматически удлинялась и становилась непредсказуемой. Потому выходил я в школу за час до начала занятий. В первую смену это было семь утра. Большую часть года это было тёмное время. Ну вот. А еще предстояла обратная дорога. С теми же проблемами. Если это была вторая смена, то это было шесть-восемь часов вечера. И опять же по большей части учебно-го года в темноте. Таким образом либо туда, либо обратно я брёл «втёмную». Были и другие веселые трассы. Но по Горького это было почти гарантированное избиение, по Ленина почти гарантировано выбитые зубы, по Гоголя и Пушкинской почти гарантированные гонки преследования... Не все гладко проходило и по Московской, где уже бушевали группы с ВИЗа.

Так или иначе но два часа в учебный день занимала **дорога**.

Дорога в школу и обратно.

В сутках на всё остальное оставалось двадцать два часа.

Примем неизбежное. В десять меня укладывали спать

и в шесть утра поднимали.

Таким образом еще восемь часов уходило на законный сон.

Оставалось 14 часов. Один час на подготовку к выходу в школу.

Пятнадцать минут на очередь в единственный в доме туалет – на девять квартир и примерно тридцать жильцов. Еще пять-семь минут на очередь к единственному в коридоре умывальнику.

Завтрак – десять минут максимум. Заправка постели, одевание, проверка портфеля. Это еще минут десять-двенадцать. Напутствие на учебный день. Выход. От 14 часов нам остается тринадцать. В школе мы пребывали либо с восьми до двух либо с двух до восьми – шесть часов.

Все эти часы мы еще рассмотрим наивнимательнейшим образом в дальнейшем. Пока же оценим оставшиеся семь часов. Предположим с трёх дня до десяти вечера, если мы учились в первую смену. На домашние задания в среднем я тратил два часа в день при любой погоде. Оставалось пять часов. Последние два часа перед сном никто уже не гулял. Это были вечерние семейные посиделки, ужин и подготовка ко сну. Оставалось три часа. Если я не болел (боже! Бывало же и такое!) то это были три часа на улице, во дворе, из которых один час, минимум, уходил на обязательные походы в магазины за молоком и хлебом, и с Роной на рынок. Поскольку я пристрастился к зоопарку, то почти каждый день час

или полтора я проводил в этом богоугодном заведении, благо располагался он в десяти минутах быстрой ходьбы от дома. Со второго шестого класса (в шестом я учился дважды – из-за болезней) я подружился с Юрой Мещеряковым и потому всё оставшееся время проводил с ним и у него. А его отец – папа Вова – стал мне по сути заменой моего родного отца.

Ну, вот я и отчитался о том, как строился и тратился бюджет моего личного времени во время обучения в школе. Для понимания того, как и почему я пришел к мысли о подобных подсчётах.

Общий бюджет времени школы

Уже в третьем классе я начал задумываться о том, как мы тратим время в школе.

Посмотрим на итоги моих скромных подсчётов, каковые я осуществлял, когда на уроках мне становилось невыносимо скучно. Да-да! Я скучал на уроках и среди прочего занимал себя самыми разными подсчётами. Например, такими:

Школа «работает» круглый год.

То есть здание школы круглый год занято именно школой.

Рассмотрим простейший случай двусменной школы.

Школа работает с восьми утра до восьми вечера.

То есть половину суток.

А еще половину суток она стоит закрытая.

Получается, что школа половину года стоит закрытая!

У меня было с чем сравнивать.

Поверьте мне на слово!

Я пятнадцать раз лежал в больницах по месяцу с воспалением легких.

Реально!

И я точно знал: больница работает и днём и ночью и не знает выходных.

А вот школа их знает.

И любит!

И поэтому надо сразу вычесть из бюджета времени школы

минимум 52 воскресения в году.

Итак: 365 дней. Минус 52 выходных остается 313 дней.

Минус три раза по восемь дней каникул (это я выходные учел!) то есть 313 минус 24 равно 289 дней.

Минус лето – минимум два месяца – 60 дней равно 229 дней. Их делим честно пополам так как ночами мы отдыхаем, и оказывается, что из 365 суток школа открыта и работает как школа 115 суток! КПД здания – 30 процентов!

Вот такая вот арифметика!

Академик Любищев и его открытия

Академик Любищев прославился тем, что предельно честно отсмотрел свой собственный «рабочий» трафик времени. Он пришел к грустному выводу, что собственно делом он занят едва ли не меньше часа в сутки.

Всё остальное время уходит куда угодно, но только не «на дело».

Всем желающим настоятельно рекомендую открытия и труды этого гениального ученого.

Урок и школьная перемена

Введено понятие «академический час».

А по-русски – сорок пять минут.

То есть говоря о 113 сутках школы мы еще не присмотрелись ко многим важным элементам.

И в первую очередь надо признать, что три четверти часа школа «обучает», а еще четверть часа дети проводят **вне** официального времени на «обучение».

Систему эту придумали давно.

Время отмерялось ударами колоколов, которые звонили каждую четверть часа.

Это было очень удобно.

Сорок пять минут «работаем» и пятнадцать минут «отдыхаем».

На самом деле здесь скрыто так много всего, что я предлагаю просто перевести дух и дождаться продолжения публикации... если конечно Бог даст...

Без учебников в портфеле? да!

В чём заключается высокий смысл несения учебника из дома в школу?

Какова роль этого предмета в портфеле или ранце школьника?

Для чего ребёнок нагружает себя и свой позвоночник, таская учебное пособие?

Когда я задавал эти вопросы себе, у меня не находилось достойных ответов.

Предположим, что во втором «а» классе, то есть в кабинете, где постоянно занимается второй «а» класс, хранится полный комплект учебников на каждого ученика.

Прямо на парте, или, ещё лучше – в ней.

Дети в школе занимаются по этим учебникам.

А дома у них, у каждого, есть еще один полновесный комплект учебных пособий – копия тех, что хранятся на рабочем месте в классе.

В этом, пока чисто теоретическом, случае необходимость переноски учебных пособий в портфеле, ранце, сумке – отпадает.

Исчезает и одна из причин неготовности к уроку.

«Забывать» учебное пособие дома или в школе – не получается.

Не получается его и потерять.

Книга, которую не носят туда – обратно, хранится лучше и дольше сохраняет свой товарный вид.

В Урае мы во время эксперимента по модульной технологии эту идею проверили.

Оказалось, что всё работает.

Никакой необходимости тащить тяжелый груз в портфеле нет!!!

Портфель школьника весьма солидно разгружается именно потому, что в нём нет самой тяжелой его части – учебных книг и пособий.

Нам остаётся разобраться с тетрадями и пеналами.

Но об этом – в следующий раз.

И не вздумайте петь песни об «экономии» бумаги.

Всё предельно рационально.

Бумага в таком случае расходуется гораздо экономнее.

С праздником Вас, дорогие мои Читатели!!!

Post Scriptum:

И одно замечание о тяжёлом портфеле для самых невнимательных.

Если вас окружает шайка-лейка, и вы собираетесь дать стрекача или дать дёру, или улизнуть, или оторваться – при любых манёврах отсутствие портфеля лучше, чем его тяжёлое присутствие.

Я убегал! Я знаю!

Весь маразм СОШ

Весь маразм СОШ. А вы, друзья, как ни садитесь

Из цикла: «Весь маразм советской общеобразовательной школы»

«А вы, друзья, как ни садитесь...»

И.А.Крылов «Квартет»

В далеком-предалёком детстве тётя Рона раскрыла мне содержание одной старинной народной пословицы. «Свечи не задует, а в могилу уложит!»

Речь в ней идёт о... сквозняке. Оказывается тихий-тихий поток прохладного воздуха может оказаться страшнее множества явных угроз здоровью и самой жизни человека!

Рона всегда рассказывала мне потрясающие вещи. И вот настала пора определять: кто и где сядет в классе. В классе, который предстояло учить мне.

Говоря о внутренних, неустранимо порочных, моментах школоцентрической модели я предлагаю вам сегодня основательно вникнуть в тему рассадки малышей в классе.

В обычном, стандартном учебном классе. Раньше это было помещение примерно шесть на восемь метров, теперь почти шесть на девять. Шесть – это в ширину. Восемь или девять – в длину. Естественно в обычном классе три окна. И от них, разумеется, дует. Зимой – сильнее, весной и осенью – слабее. В классной комнате – или кабинете – есть ещё и двери. Как минимум одна – в коридор школы, но в некоторых кабинетах имеется и вторая – в персональный кабинет педагога. Дверь – это всегда маленький равномерный приток свежего воздуха. Сифонят дверь и окна, как правило, синхронно и скоординировано.

На иллюстрации показан только один гипотетический поток прохладного воздуха. Кому-то из детей приходится сидеть «на сквозняке». Теперь несколько чисто практических замечаний. Вопреки распространённому мнению, что в первую очередь важно согреть ту часть ног, на которую мы надеваем носки, в реальности гораздо опаснее незаметное переохлаждение внутренней поверхностей бедёр. Особенно недалеко от колена. Именно отсюда поражаются в первую очередь почки. Коварно переохлаждение рук – оно бьёт по носоглотке и бронхам. Но самая важная часть тела – это нижние отделы позвоночника, мышцы спины вокруг позвоночника в районе поясницы. Именно с них начинается тот мерзкий озноб, который предваряет серьёзную простуду.

Как бы там ни было, но проблема размещения детей

в учебном помещении вечно актуальна.

На схеме я показываю апробированную мною расстановку парт и организацию учебно-познавательной деятельности, при которой за учениками не закрепляется определённое место и они умудряются побывать на многих местах в классе за одно занятие. Речь идёт об игровом методе обучения, когда задания выполняются конкурентно в паре и «проигравший» отправляется на скамеечку «штрафников» (отмечена красным), а его место занимает уже побывший там товарищ. При интенсивном розыгрыше заданий буквально каждые сорок-пятьдесят секунд происходит «смена караула». При таком подходе ребенок не сидит постоянно на одном месте и к тому же несколько раз за занятие активно перемещается по кабинету. Я привожу эту технологию как альтернативу «крепостной» технологии советской общеобразовательной школы. Здесь я рассматриваю только один из множества аспектов её внутренних противоречий, которые в рамках административно-командного подхода неустранимы.

А закончить мне хотелось бы этот эпизодий путём развития темы, вынесенной в заголовок в цитате из знаменитой басни Крылова:

«А вы, друзья, как ни садитесь...»

Но всё-таки не простудитесь!

ВЕСЬ МАРАЗМ СОШ. ВМФ И ШКОЛА

СОШ – средняя общеобразовательная школа.

Военно-морской флот Советского Союза – один из главных участников Всесоюзного педагогического эксперимента в городе Урае Ханты-Мансийского автономного округа. В этом году исполняется четверть века Конференции педагогической общественности Москвы и Московской области с участием представителей педагогической общественности из других регионов Советского Союза. Именно на ней был выработан комплекс решений, в том числе решение о необходимости создания экспериментальных педагогических площадок. Эта удивительная конференция – одна из немногих, **все** решения которой были претворены в жизнь, включая сюда и **упразднение Госкомбры** (Государственный Комитет Образования СССР), и **проведение Пленума ЦК КПСС** по вопросам педагогической реформы в стране.

Трибуной, на которой вольнодумцы могли что-либо говорить народу, в те времена служила «Учительская газета», во главе с замечательным новатором Матвеевым.

В рамках конференции мы ставили те вопросы, которые касались узловых политических решений, позволяющих выходить на разрешение собственно педагогических вопросов.

В газете Матвеева проходили далеко не все материалы, и поэтому то, что я намерен выложить перед Вами, дорогие читатели, сегодня, десятилетия оставалось втуне. Вам теперь предстоит самим решать – достойно это было общественно-го внимания или недостойно, должно было увидеть свет, или не должно. Преимущества у меня здесь такие: во-первых, я знаю, чем всё закончилось, во-вторых, я смог отрефлексировать свои позиции очень тщательно, в-третьих, меня никто не гонит и не торопит, и не заставляет сокращать то, что сам я решительно не желаю сокращать. Изложение может быть и не совсем обычно построено, может быть и не совсем привычно сформулировано, может быть не совсем традиционно публикуется, но это реально мои мысли и мои чувства, которыми я руководствовался в приближении к нашим практикам тогда, и от которых я не отказываюсь и теперь. Вот мои логики и металогики. Вот мои основания и вот мои практические выводы.

Итак, мне довелось провести в рядах Военно-Морского Флота СССР три года. От звонка до звонка. 5-го мая 1972-го года меня призвал военкомат в Свердловске, и 5-го мая 1975-го года меня отправили из части во Владивосток на эшелон с демобилизованным контингентом.

Поэтому я уверенно могу сказать – я эту службу прожил, промыслил и прочувствовал. Но речь здесь пойдёт не о службе, а только о тех её аспектах, которые сформировали моё отношение к практикам отечественной общеобразовательной

школы.

И самое первое – это момент пробуждения матроса по боевой тревоге.

Уверяю Вас, боевая учебная тревога ничем не отличается от боевой тревоги.

В тот момент, когда звучит приказ «Рота! Подъём!!», матрос понятия не имеет – это учебная боевая или просто боевая тревога. Ему предстоит моментально проснуться, одеться, и встать в строй. Строй здесь же, рядом, в том же самом кубрике, в котором матрос спит. На подъём отводится одна минута. Всей кадровой роте. Но это уже полноформатное построение вообще всех. А вот на оформление строя взвода отводится пятьдесят секунд. На отделение – сорок секунд. С момента открывания – лучше сказать – продира-ния или раздира-ния – глаз до момента появления в боевом строю проходит секунд тридцать, тридцать пять. Спит матрос на своей койке, рядом с койкой стоит табуретка (пофлотски – «баночка») и на ней уложена та самая форма матроса, в которой он обязан оказаться в случае боевой тревоги. А, значит, эта форма должна быть сложена таким образом, чтобы секунду назад проснувшийся человек был в состоянии при минимуме движений всё уложенное на себя одеть.

Вы скажете: ну и где же здесь педагогическая технология? Где влияние на Всесоюзный педагогический эксперимент? Не торопитесь, быстрее, чем может показаться, всё разъяснится.

Что зависит от скорости подъёма и построения в боевой части? В первую очередь жизнь каждого отдельного матроса, жизнь боевого подразделения, части и страны в целом.

Мы были ракетной базой Военно-Морского флота, на которой в складах хранились те самые боевые ракеты огромной разрушительной силы, которые надлежало выдать флоту в случае начала войны. Это были ракеты не первого удара, но это были ракеты, которые могли решать тактические и стратегические задачи на театрах боевых действий. Если бы наши склады вдруг начали взрываться, то весь Дальний Восток просто снесло бы немножко в сторону. Таков был суммарный боезапас. Поэтому речь о безопасности страны – не для красного словца. Это была именно ракетная, именно база, именно Военно-Морского флота СССР. Из песни слова не выкинуть. И поэтому от скорости построения, и начала вывоза ракет на корабли зависело очень многое.

Оттого так «зверски» нас тренировали к подъёму по боевой тревоге.

Поднимающийся полусонный ещё матрос буквально впрыгивал в свои брюки, затем ныривал в робу с прикрепленным заранее гюйсом, двумя одномоментными движениями втискивался в носки и в ботинки, хватал бескозырку и летел в строй на лету застегивая ремень и правя бескозырку. Этот момент отрабатывался в учебке – учебной роте – в первую очередь. Это была **штатная** ситуация.

Это была ситуация **предвиденная, просчитанная, вы-**

веренная. Это была ситуация не допускающая никаких двояких толкований, никаких споров или обсуждений. Здесь было просто нечего обсуждать. Здесь всё было уже миллион раз обсуждено гораздо раньше, не нами, и не здесь.

Уставы пишутся кровью.

Движения матроса по боевой тревоге продиктованы таким количеством алого вещества, что все действия просто доводились до **абсолютного автоматизма.**

Штатная ситуация, это ситуация, которую военная организация обязана **предвидеть,** и к которой военная организация **должна быть безусловно готова.**

И вот именно здесь мы присмотримся к советской общеобразовательной школе на основе уже рассмотренного в общих чертах вопроса.

Что это за ситуация, когда Иван Петрович Сидоров – преподаватель физики не пришел в школу на урок? На мой взгляд – это простейшая **штатная ситуация,** ситуация, которую школа просто-таки **обязана предвидеть.**

И именно к этой ситуации она и **должна должным образом подготовиться.** Потому что ничего более естественного, чем невыход преподавателя на работу, я придумать не могу. Ситуацию с выходом на работу мы тоже рассмотрим, но позже. А пока укажем, что советская общеобразовательная школа к указанной штатной ситуации была **хронически не готова.** Узнав, что Сидор Иванович Петров загрипповал, завуч школы начинала импровизировать.

Никто в школе не ведал, какой фортель выкинет Татьяна Игнатьевна Лемашко, если вдруг Пётр Сидорович Иванов не появился на первом уроке. Такова была реальность, и вот эту-то реальность мы и постараемся осветить как можно подробнее. Потому что именно на этом примере можно ясно увидеть, насколько рахитично, маразматично и недалёковидно было построено всё советское образование в целом.

Типовой проект школы
224-1-88 на 1176 мест

Фасад по стрелке А-А

SURMICO 2015

Весь маразм СОШ. Главные пороки

СОШ – советская общеобразовательная школа

Каковы же главные пороки советской общеобразовательной школы?

Попытаюсь абрисно перечислить

1. Необузданный атеизм
2. Совместное обучение мальчиков и девочек
3. Обезличенное обучение
4. Псевдобесплатность обучения
5. Калечащие детей техники преподавания
 - а) пересидивание на одном месте
 - б) тяжелые и глупые портфели и рюкзаки
 - в) неправильное питание
 - г) некорректные перерывы
 - д) безумная «физкультура»
6. Аморальные техники «воспитания»
 - а) поддержка детского доносительства
 - б) отказ от выяснения реального положения дел
 - в) гиперболизация «белых ворон»
7. Противоречащий науке контент
8. Отсутствие в программах и практиках обучения действительно необходимых знаний и навыков
9. Тотальная перегрузка учащихся

10. Перекладывание на семью, родителей обязанностей школы
11. Тотальное лицемерие
12. Тотальная нестабильность
13. Неравенство кадров
14. Фальшивые идеалы и ложные цели
15. Негласная милитаризованность
16. Монопрофильность и забюрократченность
17. Принятие на себя заведомо невыполнимых обязательств
18. Отбор кадров по худшим из возможных критериям
19. Тотальное неиспользование сверхизбыточной материальной базы
20. Соединение невозможных к объединению дисциплин
21. Расписание занятий «под учителей», а не «под детей».
22. Некорректно ранняя тарификация
23. Искусственное недофинансирование
24. Неразумное транспортное обеспечение
25. Необеспеченная безопасность ребёнка
26. Де-факто дети в этой школе были «заложниками», а родители «принуждаемой стороной»
27. Возможность использования в качестве репрессивного аппарата

Здесь я перечислил только наиболее явные пороки советской общеобразовательной школы. О каждом можно на-

писать не одну монографию. По первому пункту я предлагал в «Учительской газете» передать половину школ в ведение РПЦ.

Позднее в личной беседе со мной на Соловках Патриарх Алексей Второй пояснил мне, почему это предложение не могло быть принято.

Разумеется, делая это предложение я понимал, что большую часть из оставшихся должны будут принимать к себе мусульмане.

Ряд школ могли бы отойти к центрам буддизма и другим конфессиям, в том числе и католикам.

Только одно это легкое перечисление показывает, какие пласты проблем стоят за самой первой строкой перечня.

О каждом следующем также можно поднять терриконы литературы.

Одна из причин развёрнутой против меня в интернете компании лжи и клеветы заключается в том, что вот эта моя постоянная публикация предельно острых материалов о школе кому-то стоит костью в горле. Партийно-советская техника гласит: не надо спорить с автором – тут проигрыш обеспечен, надо просто объявить автора врагом народа и травить всеми доступными способами.

Один из моих «критиков» высказал занятное предположение – гипотезу, что именно негативные материалы в мой адрес являются для меня неким мистическим источником «энергии». Как говорится: «улыбнуло».

Спорить с такими «гипотезами» бессмысленно.

Моё время уже давно и прочно прошло.

Я досматриваю кино жизни и иногда даже не могу понять, что ж так сильно притягивает к моим публикациям хулителей разных мастей?

По их утверждениям пишу я слабо и бездарно, «засоряю интернет».

Ну так и идите себе мимо! Не замечайте! Не реагируйте!

В наших государствах массы поэтов, музыкантов, художников и художниц, писателей и писательниц. Обращайтесь к творчеству достойных. Разрабатывайте их тексты и идеи.

Что вам всё так и хочется поспорить с моими скромными публикациями?

Или дело всё-таки в том, что они вам на самом деле интересны?

Или вы просто выполняете чьи-то заказы?

Я пишу о том, что интересно мне.

О том, что волновало меня. И продолжает волновать.

Сегодня открыли мне глаза на «веру».

Я спросил о чём-то весьма грустном и вдруг услышал:

– А нам не остаётся ничего другого, только верить...

И тут я наконец понял.

Марк Солонин утверждает вслед за поляками:

«Правда не побеждает. Правда – это то, что остаётся».

Всё-таки глубокая мысль.

В версии услышанного это дополняется так:

«А вера – это то, что остаётся, когда уже ничего другого не остаётся».

Весь маразм СОШ. Изменения в расписании

Не следует забывать, что общеобразовательная школа учит детей и превращает их в образованных людей. По крайней мере такова её явно декларируемая функция. Как минимум – одна из. Поэтому школа бесспорно знает то, что преподаёт своим учащимся. А преподает она им много чего. Например, что люди – это животные, то есть биологические сущности состоящие, между прочим, из воды. При этом точнее было бы сказать, что в людях как раз прочее между водой. Эти сущности подвержены самым разнообразным рискам и, в частности, они могут попадать в весьма неприятные ситуации и истории. И потому наивно не надеяться, что рано или поздно, каждая такая сущность может не явиться на свой урок по «уважительным причинам». Более того, не исключена неявка на урок по причинам абсолютно неуважительным.

Сгустки воды с прозрачными глазами запросто могут пропускать уроки. И пропускают. И болеют, и опаздывают, и просыпают, и посылают свою работу куда подальше, и влюбляются... Если бы только мне предложили написать трактат о причинах невыхода того или иного педагога на урок, я бы привел тьму наиразнообразнейших причин. И, уж поверьте мне, среди оных я не упустил бы случая на-

звать и «незаконное увольнение педагога», и «противозаконное распоряжение директора школы о командировке педагога» и курсы повышения квалификации, и... но не будем о грустном.

Трактат мне такой пока не заказан, и ограничимся самыми распространёнными случаями: грипп, простуда, острый радикулит, острый геморрой, пищевое отравление некачественными консервами, заболевание своего ребёнка, перелом конечности во время воскресного катания на лыжах, укус соседской собаки, забастовка педагогов района или города... Как видим – и распространённых причин вполне достаточно, чтобы заняться вопросом о том, что надлежит делать школе, если Иван Сидорович Петров не появился на уроке.

Не покривим душой против горькой правды. Вопрос этот разрешает не абы кто, а Илона Рудольфовна Рюмашко – завуч школы по учебно-воспитательной работе.

Работа может быть и воспитательно-учебной и учебно-воспитательной, а заместитель директора наличествует в обоих случаях.

А что страшного в том, что Сидор Петрович Иванов не вышел на уроки?

Я тоже учился в школе. И именно тогда меня ужасно расстраивал такой факт: каждый день на красиво оформленном расписании занятий появлялись наспех начерченные рукой завуча школы бумажки, в которых представлялось

не то, идеально оформленное, а реальное расписание занятий в школе с учётом всех не вышедших на работу педагогов.

Будучи пятиклассником, я никак не мог взять в толк, почему эти бумажки так постоянны. Эти изменения расписания были самой стабильной его частью. В школе менялось всё, но бумажка ежедневно появлялась внизу красиво оформленной фикции.

Прошли годы, и мне довелось посетить тысячи школ.

И в каждой я первым делом спешил к расписанию занятий.

И в каждой – при любой архитектуре, при сколь угодно разных личностях управленцев, при любых программах и специализациях внизу устойчиво висело рукописное расписание «на сегодня».

Святые бумажки!

Иконки советской действительности!

Незаменимые!!!

И смотрели мы первым делом именно на эти святые бумажки.

А вдруг Елена Дмитриевна заболела и домашнее можно не доделывать?

А вдруг Татьяна Аркадьевна не пришла и диктанта не будет?

В этих «изменениях» таилось предвкушение счастья.

Счастье, это когда тебя не вызывают!

Не донимают!

Не проверяют и не контролируют!

Чувство вины преследовало школьника в каждую секунду пребывания его в школе. Его создавали искусственно и весьма искусно. Его и по сей день не устают создавать наши учебные заведения. Но об этом позже и в своём месте. Главное – изменение расписания сулило хоть на миг, облегчение этого гнёта! Мы именно молились на эти бумажки.

Ведь они несли в себе чудесное, невероятное, великое «А вдруг?!!!»

Между тем надо рассмотреть вопрос под другим углом.

Ребёнку был гарантирован урок физики, к которому он готовился, на который он нёс своё тело. И вдруг оказывается, что Пётр Иванович Сидоров не прибыл. Не явился. Не пришёл. Канул в неизвестность. Приболел. Окачурился. Накрылся медным тазиком. А вместе с ним накрылся медным тазиком и обещанный им урок.

Виолетта Георгиевна Бумашко уже начертала новый поворот в истории нашей болезни... пардон... в истории наших занятий.

Ребёнок, которому эта самая «физика» была обещана, жестоко обманут!

Его надули! Он готовился, а ему в ответ показали интеллигентную дулю.

Он зря тащил и учебник физики, и тетрадку. Он зря учил правило буравчика наизусть. Он зря собирался разобраться с весами. Он не просто обманут организацией по имени

«школа». У него сбит ритм. Тот самый, который и является подложкой успешного занятия для профессионала.

«Ритм – основа нашей жизни!» – учит нас общеобразовательная советская школа.

Достаточно вспомнить ритм биений сердца и ритм дыхания. Без ритма – никуда!

И вот этот самый важный элемент и учебно-воспитательной и воспитательно учебной работы выведен в аут, уничтожен, как таковой. Ребёнок поверил родной школе, а она его грубо и жестоко подставила. Она над ним посмеялась. Она показала ему, что ей глубоко наплевать на собственные перед ним и – не забудем помянуть к ночи – его родителями и опекунами – обязательства. Школа воспитывает малыша в том смысле, что условия сделки можно и не выполнять. Когда школа заключала договор с родителями школьника, она не указывала, что будет так подло нарушать его – школьника – права. В частности право знать, на какой урок он – несчастный семиклассник – марширует.

И вот здесь мы вернёмся к практикам внезапных подъёмов по боевой тревоге на нашем славном Тихоокеанском военно-морском флоте. Полагаю, что то же самое творится и на других флотах величайшей морской державы мира, но за те, где не был самолично, ничего не скажу.

«Рота! Подъём!!!» – это выверенная веками команда.

Она включает какие-то важные механизмы в спящем ещё матросе, выстроенные за период учебных тренировок.

И далее матрос действует так, как и полагается действовать в боевой обстановке.

Рефлекторно, на автоматизме.

Мгновенно.

Матрос специально готовится к этой штатной ситуации.

Он для того и призван «в ряды», чтобы подняться.

Тех, кто подняться не может – комиссуют.

В Вооруженных – не побоюсь этого слова – Силах нет места демократическим дебатам и препирательствам.

Всё просто.

Все делятся на тех, кто посылает на верную смерть, и тех, кого туда посылают.

Именно это парадоксальным образом и обеспечивает «мирный созидательный труд» наших людей.

Приказы не обсуждаются.

Изменение школьного расписания в связи с невыходом Валентина Семеновича Игнатьева – это приказ.

Приказ, между прочим, никак не оформленный.

Вот так вот незатейливо и простенько: «восьмой бэ на литературу».

Которой в расписании не было, к которой он – ребёнок – не готовился.

И педагог – в нашем случае Слуцкая Валентина Витальевна – не готовилась. Ни сном, ни духом. И начинается коллективная импровизация урока – основы нашей славной общеобразовательной как бы школы.

Дети как бы учатся, учитель как бы преподаёт.

Всем хорошо и все довольны.

Вот только испарилось что-то очень важное из этой как бы системы, из этой вроде бы организации.

И вернуть вот это важное испаренное уже невозможно.

Ибо оно – Время!

Весь маразм СОШ. Классное руководство

Теперь присмотримся ещё к одному аспекту, ещё к одной составляющей школьной жизни – классному руководству.

Кто такой «классный руководитель»?

Это педагог школы, получающий надбавку за крохотную с первого взгляда должность-надстройку – «Руководитель класса».

На всех собраниях и совещаниях, хором и порознь все преподаватели общеобразовательных школ всегда возмущались мизерностью самой добавки к жалованью за эту должность, и непомерностью требований к самой этой должности. Функционал (обязанности) большой, а платят копейки! И все клялись, что готовы отдать это самое «руководство» «хоть сейчас».

Мне довелось им это устроить.

Во время эксперимента мы убрали и обязанности и прибавку.

Сняли с наших славных педагогов это тяжкое бремя.

И обнажилось страшное.

Вскрылось, что они до смерти боялись всё это потерять.

Выяснилось, что за это они готовы были даже приплачивать!!!

Потому что классное руководство – это **власть!**

Власть над тридцатью родителями.

Небольшая, весьма и весьма ограниченная, но **власть!**

Гарантия дополнительного высокодоходного заказа.

Заказа на дополнительные занятия с ребенком.

Заказа на усиленное внимание к ребёнку.

Против меня в Урае ополчились всё потерявшие классное руководство педагоги.

Без исключения.

Что тут началось!

Родители группами и поодиночке атаковали руководителей эксперимента (Е. Б. Куркина и В. С. Ноздрина) с требованием «прекратить» и «вернуть».

Вскрылось то, чем заняты классные руководители «работая» с родителями.

Неприглядность многих активностей настолько бросалась в глаза, была так очевидна, что даже писать об этом не очень хочется.

Но придётся.

Использование педагогами ресурса классного руководства было просто ошеломляющим.

В первую очередь это подспудно навязываемое платное репетиторство.

Во-вторых, это воспитание доносительства в классе.

В-третьих – это организация травли отдельных учащихся и их родителей, порою по указке сверху, порою в знак «корпоративной солидарности»...

Я перечислил только три пункта, а уже ясен тот ужас, которым всё это сопровождалось.

Насколько всё это было распространено, насколько всё это было значимо? Ответ будет краток: тотально и фатально.

Классное руководство позволяло классному руководителю выявить группу «значимых родителей» и, опираясь на их поддержку в обмен на сверхзаботу о вполне конкретных делах, строить свои взаимоотношения и с завучем, и с директором школы.

Устранение классного руководства вскрыло существо системы советского образования.

Вскрылось всё лицемерие системы, вся её антидетская суть.

Ребёнок никого конкретно не заботил и не интересовал. Забота о нём демонстрировалась, но не осуществлялась в должной мере.

Это была забота о пионерском отряде, об октябрятской звёздочке, о пионерском лагере.

Проще говоря, забота о детском «коллективе», о группе детей в целом и общем.

Но забота «в общем» и забота о конкретном ребёнке – это по-разному организованные заботы.

Ребенок с самого первого шага в этой системе становился винтиком, элементом, некоей единицей зачёта.

Расчётным подразделением становился любой класс. Обезличивание и подготовка очередного набора исполни-

телей «воли партии», строителей неизвестно чьёго «светлого будущего».

Держалось всё это на одном не всем очевидном моменте – на бездумном, бессмысленном, безумном разбазаривании генетического фонда нации, её здоровья.

Подрыв шёл по многим направлениям сразу, и общеобразовательная школа в этом отношении выполняла громадную «подготовительную работу».

А потом здоровые организмы подошли к концу.

Возникло очень много организмов нездоровых.

Оказалось, что всё держалось на наличии здоровых детских тел.

К производству которых школа не имела ни малейшего отношения.

Проблема же наличных тел для «партии и правительства» заключалась в том, что наличные тела переводятся в безличный расчет только одним способом. И после этого уже не могут быть использованы.

Весь маразм СОШ. Некоторые подсчеты

*Весь маразм советской общеобразовательной школы.
Фрагмент из «Территории»*

Здесь речь исключительно о Советских общеобразовательных школах на территории России.

Повторение – мать учения!

НЕКОТОРЫЕ ПОДСЧЕТЫ

В году 34 учебных недели. Это значит, что при шестидневной учебной неделе школа работает $34 \times 6 = 204$ дня в году. При пятидневной неделе – $34 \times 5 = 170$ дней в году. В году 365 дней. При шестидневной рабочей неделе школа занята под занятия $204/365 = 55,9\%$ времени года. При пятидневной неделе $170/365 = 46,6\%$ времени года.

Однако школа занята не круглосуточно. Предположим, что она в учебное время занята с 08.00 до 20.00 ежедневно (это не так, но об этом ниже), то есть по 12 часов в сутки. Тогда наши показатели по времени необходимо сократить вдвое: не 204, а 102 суток при шестидневном плане и не 170, а 85 суток. Соответственно уменьшаются и проценты заня-

тости: при шестидневке в школе она занята только на 27,9% в году, а при пятидневке только на 23,3% в году.

Но это – здание в целом. А здание состоит из кабинетов, коридоров, лестниц, раздевалок, рекреаций, подсобных помещений, мастерских, спортзала, столовой и т. д.

Коридоры и рекреации занимают до 40% площади школы. Посмотрим, а как заняты они. Уроки в обычной школе идут одновременно. И пока идут уроки, коридоры школы практически пусты. Урок длится 45 минут, перемена – 15 минут. То есть коридоры заняты 25% времени от общей занятости здания. Рассмотрим занятость коридоров и рекреаций с этой точки зрения. При шестидневной учебной неделе коридоры заняты $102:4 = 25,5$ суток в году. При пятидневной учебной неделе коридоры и рекреации используются $85:4 = 21,25$ суток в году.

Между прочим, их необходимо обогревать и освещать, охранять и убирать, красить и ремонтировать. И вот на это тратится до 1/3 всех средств бюджета, выделяемых на организацию учебного процесса. На год школе дается, скажем, условно, миллион долларов. Так вот на коридоры и рекреации уходит в этом случае 333 тысячи долларов. Еще 550 тысяч долларов уходит на содержание остальной части здания. А вот оставшаяся сумма делится между той оравой людей, которые в этой школе обретаются в качестве персонала, администрации и педагогического коллектива. А разделив оставшиеся 120 тысяч долларов на 12 месяцев (10000 долла-

ров в месяц!) да на 130 душ вы и получаете ту жалкую зарплату (менее 80 долларов в месяц) которую получают наши педагоги.

Однако не будем спешить.

Посчитаем унитазы.

На 600 детей в школе приходится 8—12 унитазов.

На 600 мальчиков 12 и на 600 девочек – 12.

Здесь упомянем вкратце опыт Архангельского мединститута в бытность там ректором тов. Сидорова.

В центре города стояло громадно здание, а в нём на всё про всё один постоянно открытый туалет.

Туалет очень красивый, прекрасно отделанный.

Но платный!

Представляете?

В медицинском институте.

Где точно знают потребности организма человека.

Где их, извиняюсь, преподают.

Но посчитаем.

Ребенок хотя бы раз хочет попасть в это благословенное место.

Девочка может за год ни разу не посетить кабинеты директора, завуча, химии и физики. (учась, скажем, в пятом классе).

Но туалет ребенок посещает каждый учебный день.

Итак: 600 девочек на 12 унитазов – это 50 девочек на один унитаз.

Если вам доводилось ездить в поезде (плацкартой), то там на два унитаза 52 пассажира при полной загрузке вагона.

Правда проводники любят ближний к себе туалет превращать в служебный и никого постороннего туда не пускать.

Тогда в районе второго туалета нескончаемая очередь.

И хорошо, если девочка хочет только пописать. Да слегка ополоснуть руки. А если, извиняюсь, ей захочется разгрузиться капитально?

Короче: по этой позиции в школах всегда явная проблема.

А с учетом того, что в туалет в основном можно попасть на переменах, а это 25% учебного времени, то от 5 часов детям на посещения остается не более часа-полтора.

Или... или надо прямо на уроке всему своему классу объявлять, что хочется снять штанишки и избавиться от давления обстоятельств.

В коллективистском обществе это очень поощрялось.

Демонстрация своих гениталий окружающим и публичное отправление естественных потребностей приветствовались.

Туалет школьный так сконструирован, что сразу видно, кто и чем в нём занимается.

Между тем по площади – это самые маленькие помещения в школе.

По уровню технического обеспечения тоже.

При помощи этого устройства маленький человек еже-

дневно проводился через весьма унижительную процедуру.

И вот в десятках тысяч школ России ежедневно миллионы маленьких россиян публично оправляются!

Вот это воспитание!

Такая, блин, вечная молодость, понимаешь!

Но до туалета надо еще дойти.

Туалет, он ведь не за порогом твоего класса, а, как правило, много дальше расположен.

Кроме того, туалет – признанное место курения и проветривания.

И получается, что шла малютка по нужде, а попутно надыхалась, чёрт знает чего, да еще и простыла.

И как же нужно любить своих детей, чтобы их в эту унижительную экспедицию ежедневно отправлять.

Кстати – у педагогов обычно один-единственный служебный туалет на всех, и пользоваться им можно, только взяв ключ у, все того же, секретаря.

Так что секретарь нередко знает буквально о каждом посещении туалета учителями.

И если кто-то «бегает» чаще, чем обычно, то уже возникают вопросы.

Уж не пронесло ли вас, Татьяна Владимировна?

Естественно, долго находиться в таком туалете (как и в поезде) нельзя.

Надо поторапливаться.

Коллеги тоже ждут и страдают.

Весь маразм СОШ. Предусмотреть замену!

А что всё-таки должна делать школа, если учитель на урок не прибыл?

Второго июня 1969 года в Свердловске на улице Московской на крутом повороте перевернулся битком набитый трамвай и втёр стоявших за поворотом на остановке людей в асфальт. В том трамвае ехал и педагог из нашей второй английской школы. Во время этой чудовищной катастрофы ему повредило шейные позвонки и вместо школы, где шли выпускные экзамены педагог попал в больницу. Поэтому мы обязаны без обиняков спросить, что должна делать школа, если учитель внезапно не вышел на работу?

Дело в том, что все остальные ситуации проще этой.

Если учитель за полчаса предупредил по телефону, что у него острое заболевание, ещё можно что-то успеть.

Но что успевать, когда о неявке стало известно за минуту до урока или вообще ничего не известно, а педагога на работе нет?

Секрет успеха в том, чтобы **рассматривать эту ситуацию, как штатную**, и готовиться к ней заранее. Заранее знать слова, которые будут произнесены в этом случае руководством школы, и известно, какие именно действия будут предприняты педагогическим коллективом школы при

такой штатной ситуации.

Это должно быть нечто эквивалентное приказу «Рота! Подъём!» и с этого момента уже в автоматическом режиме должны совершаться вполне определённые действия, которые педагогический коллектив обязан репетировать задолго до возникновения такой ситуации.

В «мирное», так сказать, «время»!

В момент, когда до урока остаётся три минуты, а педагога на месте нет, завуч твёрдо и решительно сообщает коллективу школы, что в восьмом «а» на уроке физики **замена!**

Учитель физики, не явившийся на урок, обязан знать, что при неявке на урок за три минуты он будет безусловно и беспощадно заменён.

Урок состоится при любой погоде.

Потому что двадцати двум живым людям он был гарантирован при поступлении в этот странноприимный дом.

У педагога не должно быть ни малейшего сомнения в том, что его в этом случае заменят. Более того, если он заболел, он не должен волноваться и переживать. Его дело – собственное здоровье и его поправка. Организационная структура сама справится с ситуацией.

Более того, сам же педагог заранее обязан побеспокоиться о такой ситуации и оставить школе увесистый том поурочных планов на весь учебный цикл (четверть, семестр, год), чтобы пришедший на замену педагог взял этот самый талмуд, обнаружил проходимую тему и пояснения к оной.

То есть вся работа по предотвращению тяжелейших последствий неявки педагога на урок проводится заранее, **задолго до**, тщательно планируется и оттачивается. Заменяющий учителя педагог знакомится со всем курсом также **до** и имеет возможность общаться на эту тему с тем, кого возможно придётся заменять.

Им обоим не до шуток.

В тот момент, **когда прозвучит сигнал к замене**, обсуждать уже будет нечего и не с кем. И если этот – заменяющий педагог не в состоянии выйти на замену, незамедлительно вызывается третий по списку дублер.

Болен и он? Четвёртый!

Не в состоянии? Пятый!!!

Сильно занят? Резервный универсал.

Уже в другом месте? Еще один резервный универсал.

Отвлекли? Дежурный завуч.

Не имеет сил и времени?

Первый старший помощник педагога.

Заболел и он? Второй...

Школа способна организовать до двадцати технических замен.

С помощью резерва на замены от районо – значительно больше.

За **первую четверть** в школе №4 города Урая в 1988 учебном году **сорвалось 702 урока**. За **вторую четверть** – **только 2** и по обоим случаям были проведены са-

мые суровые разборы «пролётов».

Вторая четверть была посвящена как раз технологии стабильного расписания занятий. Великий педагог Иван Васильевич Звягин утверждал, что «Стабильное расписание занятий существует исключительно в учебниках по педагогике, и там же отлично действует школьное самоуправление». **Эксперимент в Урае показал, что при правильной организации дела расписание в школе может быть реально стабильным.**

УДОСТОВЕРЕНИЕ

РАТУШНИЙ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

преподаватель Урайского
многопрофильного колледжа

является членом Окружного экспертного совета
по инновациям в образовательных учреждениях ХМАО
на основании распоряжения Губернатора
автономного округа от 20.10.98 г. № 841

ЮГРРА

Нач. ГУОИПО

Л.Н.Паукова

Дата выдачи

17.02.99г.

Весь маразм СОШ. Преемственность

Послушаем причитания наших славных педагогинь о «преемственности». Человек «далёкий от» может им поначалу даже поверить.

Но, зайдя в любую советскую общеобразовательную школу, он обнаруживал совершенно удивительные вещи.

В глаза бросалась странная «преемственность» между числом выпускных классов во второй ступени школы и числом первых классов в третьей ступени.

Рыдающие о «преемственности» педагогические коллективы без зазрения совести ополовинивали свои контингенты, при переводе из восьмого в девятый класс!

Уменьшали наполовину!!!

Так сказать «преемственность – преемственностью, но вас ждут в профтехучилище».

Интересно, не правда ли?

Здесь надо присмотреться к тому, что такое профтехобразование вообще, и чем оно решительно отличается от общеобразовательного образования в частности.

Дело в том, что в профтехучилище (ПТУ), ребёнок «получал» «точно такой же» аттестат о законченном среднем образовании, что и в общеобразовательной школе.

Однако же учебный план профтехучилища весьма и весьма прилично рознился с учебным планом общеобразова-

тельной школы.

Никакого намёка на «преимственность» здесь и не содержалось.

Кто шёл в профтехучилища?

В первую голову дети из, скажем мягко, не самых обеспеченных семей.

Да, да, дорогой мой читатель!

Равенство, братство и прочие прелести имели место быть, но в реальной жизни не совсем наблюдались.

Не всегда и далеко не во всём.

Если ребёночек был «не присмотрен» или «недосмотрен», его ожидало ПТУ.

А ПТУ – это содержание ребёнка за казённый счёт.

Для детей малообеспеченных это было просто спасением.

Но только не надо думать, что это государство делало «абсолютно бесплатно».

Наше родное государство абсолютно бесплатно расстреливало и хоронило в братских могилах.

А вот за «бесплатное» содержание дети платили тем, что называется кратко и ёмко: «труд».

Модель не отличалась изысканностью: поучился первую смену?

Пора поработать во вторую.

И получалось, что дети в общеобразовательной школе оставались «более сильные», а на «более слабых» наваливали помимо учебной ещё и трудовую нагрузку!

Не забудем, что сам по себе переход из школы в профтехучилище не только нёс на себе вполне определённый отпечаток социальной определённости со знаком «в низы», но и просто требовал немалых сил на адаптацию.

Вернёмся в общеобразовательную школу и посмотрим, а как обстоят дела с преемственностью на более ранних ступенях обучения.

До того, как жестокая реальность поделит детей на «белые воротнички» и «рабочие спецовки».

А в самой школе творились потрясающие вещи.

Вела Роза Валентиновна математику в четвёртом, пятом, шестом классах. А потом – а она педагог опытный!!! – опять брала четвёртый класс.

А в седьмом и восьмом классе детей учит неопытная Валентина Васильевна. А как же преемственность?

Да никак!!!

Поглаголить о преемственности – это всегда пожалуйста.

А вот провести оную в жизнь, как принцип, как твёрдую волю – увольте!!!

На «трудный» возрасти бросали новичков и начинающих.

А там уж «как выплывешь»! Но выплывали далеко не все.

Сиды крови спечерили с утра дивана и отправили на экспертизу.

Диван Пушкина расскажет, можно ли было спасти поэта

Ирина ТУЧИШВИЛ
 (СПб. - Санкт-Петербург)

Петербургские эксперты читались в первых результатах исследования крови, которая предположительно принадлежит великому стихотворцу.

ВСЕШ МАРАЗМ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

привез в Ленинградское отделение бюро судебно-медицинской экспертизы.
 Пока удалось только выявить, что это кровь 2 - 4-й груп-

пы, ей много десятилетий и она принадлежит мужчине, - рассказал представитель бюро экспертизы Юрий Молчан. - Мы провели эксперимент, чтобы выяснить, совпадает ли расположение кровяного пятна на диване с местом ранения Пушкина. Нашли человека, похожего по росту и комплексу, и попросили его сесть на диван. Мы взяли с собой и образец крови с окраской Кривой Молли. И спустя несколько минут с окраской Кривой Молли. Пушкин не смог ответить на вопрос, был ли он на диване. Спешив за ответом и выйдя поклонившись, Юрий Молчан спросил: «Вы не помните, кто-то из вас болел?» Он остался бы в больнице. Мы хотим проверить, можно ли было оказать человеку полноценную помощь на этом диване.

Тем не менее ученые останавливаться не намерены.
 Идентично с помощью генетической экспертизы крови с рубашки Николая II удалось окончательно доказать, что екатеринбургские останки действительно принадлежат последнему императору, - пояснил Юрий Молчан. - Мы выверем все же путь. И следим за тем, чтобы не было никаких спекуляций. Мы не хотим, чтобы в школе, где учился Пушкин, был бы какой-то скандал. Учительница Николая Орлова - моя подруга в детстве, которые она поставила, подтвердилась и в вузе.
 «Имена в материале включены по этическим соображениям».
 Фото из архива гимназии.

У лучшей учительницы оказался фальшивый диплом

Марина не смогла получить высшее образование из-за болезни сына.

Анна-Мария СТЕПАНОВА
 (СПб. - Ростов-на-Дону)

Самый смелый педагог Ростова-на-Дону оказалась на поддельных документах.

Ее погубил диагноз. Высокочувствительная женщина. А учитель русского и литературы Марина Ивановна возмущалась над коллегами на голову, а за и на дне постоянно что-то придумывала, писала, изобретала. Получила звание грамот, награды, а в 2007 году ее особенно назвали «Лучшим учителем года» Ростовской области. В общем, учитель от бога. Но были детали, в которых казалась и скрывался дьявол. Они всплыли после проверки, которую устроила прокуратура после анонимных «доброжелателей» посетивших обратить внимание на inconsistencies в документах учителя. Проверили и обнаружили, что в дипломе о высшем образовании Ростова-на-Дону - фальшивый диплом. Десять лет назад Марина Ивановна училась на вечернем отделении факультета. Все было хорошо, пока, когда она была на четвертом курсе, не заболел ее младший сын. Нужны были деньги, время бегать по врачам. И Марине пришлось бросить университет.

жет жить без школы. И купила коровку.
 - Что я могу сказать? Дедушка, совершила когда-то ошибку и теперь расстраиваюсь из-за этого, - со слезами говорит сама учительница.
 - Просто чувствую, что преподавать - моя призвание. Эти десять лет в школе - жизнь моя...
 Из гимназии «Лучший учитель России-2007» ушли на второй день после скандала. Учительница плакала, провожая любимого классного руководителя.
 - Мне нет никакого дела до ее диплома, - призналась выпускница, учительница Николай Орлова. - Мои подруги в детстве, которые она поставила, подтвердилась и в вузе.
 «Имена в материале включены по этическим соображениям».
 Фото из архива гимназии.

Весь маразм СОШ. Присмотримся к завучу

Настало время присмотреться к тому, а чем же был занят завуч советской общеобразовательной школы.

Завуч – значит Заведующий Учебной Частью.

Сокращенное наименование должности.

Именно это должностное лицо составляло расписание занятий в школе.

Завуч младших классов составлял расписание для начальной школы, завуч старших классов составлял расписание для старших классов.

Скромные властные полномочия завуча были вроде бы и невелики, незаметны постороннему взгляду.

Между тем во взаимоотношениях с конкретным педагогом обнаруживалась исполинская мощь этой организационно-управленческой фигуры.

Завуч мог составить индивидуальное расписание занятий для педагога таким образом, что тот ходил на работу строго с утра и проводил подряд свои четыре – пять уроков. Без «окон».

А что такое окно?

Представьте себе на мгновение, что вы преподаватель школы.

У вас, допустим, двадцать четыре урока в неделю.

Ваше личное расписание может быть таким:

Понедельник: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уроки.

Вторник: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уроки.

Среда: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уроки.

Четверг: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уроки.

Пятница: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уроки.

Суббота: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уроки.

Вы приходите к 8-ми на работу и в 12 часов дня вы уже свободны, как птица.

Летите, куда хотите!

А может быть, к примеру, таким:

Понедельник: 2-й, 4-й, 6-й, 7-й уроки.

Вторник: 1-й, 4-й, 5-й, 8-й уроки.

Среда: 1-й, 3-й, 5-й, 7-й уроки.

Четверг: 2-й, 3-й, 5-й, 8-й уроки.

Пятница: 1-й, 5-й, 6-й, 7-й уроки.

Суббота: 2-й, 3-й, 5-й, 6-й уроки.

Приходите вы в основном к восьми, а вот уходите когда в два часа, когда в три часа дня.

«Окно» – это не занятый ничем урок в школе. Домой не пойдёшь – далеко. Толком не отдохнёшь – негде. Сидишь, как дурочка, в учительской, ковыряешься в своих поуроч-

ных планах и заметках.

Таким образом опытный завуч может легко изгадить настроение зависимому от него, а порой и неугодному, преподавателю. И не только настроение. Отнимается личное время личной индивидуальной неповторимой жизни педагога.

Но этим власть завуча не исчерпывается, а только-только начинается.

Завуч участвует в распределении учебной нагрузки в школе.

Ставка преподавателя – это восемнадцать уроков (академических часов в неделю).

Но если вы опытный и нужный школе человек, вам могут сделать нагрузку и в две ставки, то есть дадут тридцать шесть уроков в неделю. Думаете это «под завязку»? А вот и нет! В Качканаре я знал преподавателя, который вёл пятьдесят четыре урока в неделю. То есть с первого по девятый уроки каждый день. Человек был сильный, отменного здоровья и преподавал физическую культуру. Справлялся успешно.

Разумеется это – зверские режимы эксплуатации преподавателя. Как правило хорошей считается тридцатичасовая нагрузка – одна плюс две трети ставки. Это уже позволяет жить на зарплату учителя. Не роскошно, но...

Далее завуч участвует в распределении нагрузки классного руководителя и заведования кабинетами. Вы можете быть просто учителем математики, можете быть одновременно учителем математики и классным руководителем –

а это – надбавка к жалованью! – а можете еще оказаться и заведующим кабинетом математики. За заведование кабинетом тоже дается доплата. И возникают в школе разные преподаватели математики: один тешится двадцатью уроками в неделю без класса и без кабинета – а значит и ведет свои уроки где придётся, а другой имеет тридцать уроков, свой класс и свой кабинет. Кабинеты, кстати, тоже разные – есть с лабораторией – то есть маленьким преподавательским кабинетиком, где можно раздеться, оставить вещи, а порою и сполоснуть лицо и вскипятить чайник, а есть голые кабинеты где у преподавателя из имущества лишь стол, да и тот всегда под угрозой вторжения.

Вы ушли, а стол остался и полезть в него может кто угодно. Конечно это случаи редкие и вопиющие, но чувства защищенности – никакого.

Наконец завуч распределяет не просто нагрузку, а нагрузку по возрастам и степени послушания.

Напомню знавшим и расскажу незнакомым с предметом: в седьмом-восьмом-девятом классе ученики – переходный возраст – сходят с ума, съезжают с катушек, самоутверждаются и бесятся. Управляемость таких классов тяжелая. Работа в них требует очень большого расхода энергии и душевных сил педагога. Это последние классы, в которых учатся «трудные» дети микрорайона. Это классы, где резвятся второгодники, хулиганы, начинающие наркоманы и т. д. и т. п.

Поэтому распределение в такой класс можно считать «ма-

ленькой адской ссылкой»

Этих классов педагоги старательно и очень аккуратно избегают. Именно завуч решает, кто будет «порхаться» в таком классе.

А теперь представьте себе, что вы – начинающий преподаватель после вуза. Без опыта и без денег. Вам дали нагрузку (вы – математик) восемнадцать уроков в трёх классах: восьмом «а», восьмом «б» и девятом «б». (Классы «а» – это отборные, лучшие – по родителям и их статусу – дети, а вот «б» – уже не первой свежести. «В» – отборные но с другой стороны, «г» – нередко соответствуют литературе... Разумеется не везде и не всегда, но в целом по Союзу...)

Расписание с «окнами» – первый – третий и шестой уроки каждодневно.

Приходите в школу к восьми. Отсиживаете по три пустых урока – проверяя домашние задания – ежедневно, уходите домой в три, чуть живая, после тренинга, который вам устраивают «проверяющие» вас на всхожесть «переходники».

Какова вероятность того, что вы не выдержите и сбежите из школы?

Прикиньте сами.

Но и это еще не всё.

Завуч – это главный учебный инспектор школы.

Лицо, проверяющее педагогов, отслеживающее их работу, контролирующее их действия.

Начинается этот контроль с прихода на работу. Завуч

встречает и учащихся, и педагогов буквально в дверях школы.

Поскольку именно завуч начертает к самому началу уроков изменения в расписании занятий на сегодня.

И вот именно завучу несёт преподаватель на проверку свои тетради с поурочными планами, раскладки по общему планированию учебного процесса, отчёты, справки и протчая, и протчая, и протчая.

Завуч в любой момент может явиться на урок преподавателя и с хронометром в руках отследить выполнение поурочного плана.

И является.

И отслеживает.

И если хочет вас достать – достаёт!

А еще и вместо отпуска зашлёт на курсы повышения квалификации в областной ИПК. Там и «отдохнёте»!

В конечном итоге фигура завуча становится для преподавателя основной. Директор школы – это уже заоблачные высоты.

А вот завуч – это самый главный руководитель процесса.

И преподаватель де-факто полностью зависит от воли этого должностного лица.

Разумеется, завучи советских школ широко и всесторонне пользовались своей властью над педагогическим контингентом, над преподавательской общественностью.

Мойры педагогических судеб страны.

А теперь присмотримся к этому положению дел с другой точки зрения – в другом – выражаясь словами Аристотеля из Стагиры – топе.

Какое отношение всё это имеет к реальным потребностям в образовании у учащихся?

Все эти распределения нагрузок, наличие или отсутствие окон в расписании у конкретного учителя, все эти передачи трудных и лёгких классов – никак – подчёркиваю это – никак не завязаны на ребенков. Ребёнкам всё это широко параллельно и глубоко перпендикулярно. Ребёнки не в курсе всех этих моментов. Но страдают от такого подхода к делу именно они.

На стабильность расписания занятий все эти вещи влияют только отрицательно. А именно от стабильности расписания зависит состояние воспитывающего и образующего потенциала учебного заведения.

Маразматическое нестабильное расписание занятий – это нестабильный со срывами аритмичный пульс школьной жизни.

Весь маразм СОШ. Школьные столовые

Не раз, не два, и даже не три, а тысячи раз посещал я разные школьные столовые. Традиционные нарушения там – использование детского труда, отсутствие преград между волосяными покровами дежурных и тарелками, разнос еды немывыми руками дежурных, грязные тряпки для «промывки» столов.

Но все это меркнет перед существом питания в этих столовых. Меню навязывается детям безо всякого учета их реальных потребностей и вкусов. Половина блюд так и остается не съеденной. Баланда, которой нередко потчуют детишек, близка к лагерной. Качество продуктов – отвратительное, качество кухни – тоже. Заведующие этими столовыми вынуждены воровать. Иначе они просто физически вымирают. То же касается и персонала этих зланных мест. Режим питания обосновывается расписанием занятий и определяется не физиологией детского питания, а пропускной способностью зала.

Здесь же на одном из столов организуется и питание педагогических работников. Нормально поесть наш отечественный педагог не может. И питание его – публично.

В столовой же у хороших директоров-хозяйственников производится и отоварка педагогического коллектива про-

дуктами питания. Через столовую реализуются по сниженным ценам мясо, сахар, мука, картофель, капуста, рыба.

Идет педагог домой, а в руках две тяжеленные сумки: в одной тетрадки для проверки, в другой – прикупленные в школьной столовой продукты питания.

Однако некоторым директорам учебных заведений удается выстроить свои отношения с заведующим столовой более тонко и точно. У таких директоров прямо в их кабинет за стеночкой и дверью прикрывающей еще один кабинет имеется. Обеденный. Тут же и холодильник, и видеодвойка, и магнитофон. И стол обеденный и мягкие кресла. И в этом кабинете система Иммануила Канта работает. В холодильнике и коньячок, и водочка, и легкие вина. На выбор. А в нужный момент появляется посланец из столовой (нередко сама заведующая) и вот уже украшен стол и первым, и вторым, и третьим. Блюда, естественно, высшего качества. В чем же смысл системы Иммануила? Что же такого придумал профессор из Кенигсберга – Кант? Был у него слуга верный – Лампе. Ежедневно накрывал он стол для своего хозяина и ровно одного его гостя. А кушал Кант ровно один раз в день. Завтрак у него плавно перетекал в ужин. Начинаясь в двенадцать дня и заканчиваясь в пять вечера. И на этот завтрак-обед-ужин приглашался ежедневно ровно один гость. «За завтраком у Канта» – это так Булгаков М. А. пошутил. Но хороший директор не шутит. У него заведующий столовой – Лампе. А программа обеда сокра-

цена до нормальных пределов. Но принцип тот же: обедает директор не один, а с гостем. И не с простым гостем обедает, избави вас боже. С дорогим гостем. То ли это начальник управления образованием, то ли голова администрации, то ли приезжая знаменитость. Но за этими обедами директор решает массу вопросов, как стратегических, так и тактических. И если надо: льется вино, дымится сигара, неспешно льется беседа. А где-то там, внизу, очередь. От звонка до звонка.

Впрочем, встречались нам и хорошие столовые и толковые директора. Так в Омске обнаружил я как то шикарную столовую с изумительно низкими ценами. Номер школы не разглашаю. У хороших людей покой должен быть. И неизвестность. Ибо прославившихся нас быстро на тот свет отправляют. Кстати и в Новосибирске, недалеко от железнодорожного вокзала тоже есть прекрасная школьная столовая. Но это, в основном, исключения, лишь подтверждающие общее правило.

Школьная столовая может служить и местом отмечания торжеств, и местом поминок. Однажды в школе №37 Тюмени оба события встретились. В один день и поминки были и праздник. Как раз этот день пришелся и на день моего Посещения. И встретился мне там замечательный директор. Но как она совмещала обе даты, я выяснять не стал. Наверно праздник куда-то из столовой переместили.

Одна из важных особенностей расписания занятий и рас-

писания питания в школе заключается в том, что систематически встречается ситуация, когда покормленные дети идут на физкультуру. Физическая культура! Красиво сказано! Прямо по восточной рекомендации: «Если хочешь умереть, после обеда беги, и смерть тебя догонит!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.